

**Александр
БАЛТИН**
г. Москва

ЦЕНТРА ЛИТЕРАТУРНОГО ФИЦАЛА

Литература кончилась...

Она не может кончиться никогда!

Будучи самым древним (наравне с живописью, впрочем. Но тут – другой контрапункт) способом исследования человеческого бытования на земле, в недрах этого вечного вращения юлы юдоли, литература не может оставить человека и человечество, растолковывая ему, человеку, знаки и коды его поведения, мировоззрения, счастья и тяжёлых туч несчастья...

...ведь Раскольников не мог совершить убийство: ни одно: ведь он – изначально, по корневой сущности своей необыкновенно чист: а ударившая его идея – ложная, дурного свойства, и Родион Романович, подчиняясь ей, творит свой дурной сон – подсмотренный потом смешным человеком, что выливается в ветвистый вариант антиутопии, названный Достоевским «Сон смешного человека»...

...ведь «Архиерей» ни во что не верит, живя заданностью предприятия под названием судьба, и то, насколько он, иерарх церкви, связан с механизмами этого предприятия, свидетельствует о глубине познания душевно-духовных

бездн, исполненных Чеховым так, что каждая строка сияет золотой нитью...

Магия вредна: но – магия литературы, воздействуя на человеческое сознание, заставляет его работать на невиданных оборотах, иначе оценивая отношение к себе, миру, своему месту в мире...

...Джек Бёрден, исполняя рабочую миссию, разговаривает с отцом, не ведая, что это отец, считая оным совершенно другого человека, не предполагая, что разговор этот закончится (вне присутствия Бёрдена) выстрелом в сердце – громово исполненным его подлинным отцом...

Которого роль исполнит судья Ирвин: кстати – советская экранизация: с молодым М. Козаковым в роли Джека: была чиста, сложна и тщательно исполнена; но, разумеется, никаких экранизаций быть не может, единственный вариант оных – запустить по экрану текст, тем не менее некоторое приближение к мощной плоти и духу романа Р. Пенн Уоррена, феноменально переданного на русском В. Голышевым, началось, можно было почувствовать нечто... необыкновенно-психологическое, волшебное...

Литература ушла из жизни.

Литература может существовать только в варианте глобального восприятия гражданами государства ценности оной...

Советский Союз?

Как ни странно, сложно, смешно – да...

Ещё, возможно, Япония, где ежегодный конкурс хокку и танку открывает лично микадо – император: непредставимое явление: нигде.

...Такубоку, тончайший снежный мастер строк, умирающий в нищете в 27 лет, на циновке в жалкой хижине отца...

Литература умерла – король жив!

...наука объясняет законы зримого мира, будучи очень жёсткой и не терпящей возражений: по-своему права, но она никогда не объяснит космоса, бурно живущего в недрах человеческого сознания (с которым всё неясно, и вообще – Иван П. Павлов выгонял из лаборатории людей, дерзнувших употребить слово «сознание»)...

Религия?

Но она оперирует столь не доказуемыми явлениями и феноменами, что и они... скорее часть литературы, нежели самостоятельные объекты рассмотрения.

При этом – литература умерла...

...Кароль Войтыла, единственный поляк на сителном троне Ватикана, собирает десятки тыщ молящихся, умирая – его любит мир: Кароль Войтыла, известный реальности как Иоанн Павел II, будучи замечательным польским поэтом, даёт сложнейшие и тончайшие, из ассоциаций свитые туго, как гнёзда, стихи, многожды переведённые на русский, демонстрируя такую власть литературы, что...

*Остави, Господи, меня
и разум мой бескрылый
на немощи не обрекай,
не истожай мне силы.*

*– нет благодарности такой,
чтоб вечность мне объять
и сердца солнечной стрелой
измерить благодать –*

*– а если б и постиг я мир,
пожар бы воспылал, –
раздай я хоть всего себя –
я ничего б не дал.*

*А Ты, Предвечный, с каждым днем
мне убавляешь силы,*

*вверяя Свой безмерный Дом
душе моей бескрылой.*

(пер. А. Базилевского)

...дух захватывает, если вчитываться, сопоставляя, непроизвольно проводя параллели со смертями...Петёфи...Ботева...

То, что связано с потаёнными кодами личности, каждой индивидуальности, расшифровкой собственного «я» – не может умереть.

Но – литература умерла.

Она умерла – в смысле невостробованности, она умерла в том смысле, что все социумы ныне закручены вокруг стержней экстремального эгоизма и поганой прагматики, а литература, как и высокая наука, не даёт сиюминутного результата: она рассчитана на долгие периоды человеческого бытования...

...пресловутый батька Махно, оболганный и обруганный, написал несколько стихотворений; сделанные жёстко, сильно, пружиняще, они свидетельствуют не только о дополнительном таланте самого известного анархиста, но и об уверенности его в силе литературы: что не зафиксировано – того нет...

*Кони версты рвут намётом,
Нам свобода дорога,
Через прорезь пулемёта
Я ищу в пыли врага.
Застрочу огнём кинжальным,
Как поближе подпущу.
Ничего в бою не жаль мне,
Ни о чём я не грущу.*

Здесь подходим к главному: литература умерла...

Литература не может умереть, ибо – не зафиксированное: не существует...

Жюльен Сорель входит в действительность, показывая, как надо и не надо жить; взрываясь суммами эмоций, зафиксированных так, что опровержение невозможно...

Можно обратиться к безднам богословия (странно – человек вполне определим как бездна в телесной оболочке); можно соприкоснуться с формулами Максима Исповедника или Никола Сорского, но... ведь мы всё равно будем иметь дело с литературой: с золотом буквы, становящейся волшебной, втягиванием в силовое поле пишущего...

Мы можем соприкоснуться с «Посторонним» – который является своеобразным предупрежде-

нием каждому: против пустоты души, против ненасыщенности ничем...

И та пустота, которая представлена «Посторонним» А. Камю, заполняема только литературой...

Которая умерла.

...увы – всем: для того чтобы литература была слышна, она должна быть государственной: и – антигосударственной...

С одной стороны: П. Проскурин.

С другой – Кафка...

И тот и другой достойны рассмотрения: с разных сторон, с разных ракурсов – бытования жизни, которой нет без литературы...

Не замечали: жизнь становится жизнью только при условии наполнения литературой...

...великолепие древней Исландии: самого чистого места в мире, самая чистая вода, самые здоровые люди, нет ни одного мирового писателя (исключая лауреата динамитной премии Лакснесса), даёт самый сложный, на уровне китайского, язык, и – факт – каждый второй пишет стихи.

Пусть они не значат ничего: но феномен речи остаётся фундаментальным...

Литература есть везде...

В предельно сытой, маслом коровьим блестящей Финляндии есть литература Силланпяя, с его «Праведной бедностью», которой не должно

быть; с полётом мысли и счастья Руненберга...

Литература умерла...

Что можно предложить?

Государственную зависимость литературы?

...неплохо для писателей, которые – при таком условии – соберут сытный денежный урожай...

Литература умерла...

Она бессмертна – проходя по проводам нервов многих душ, она продолжается всегда, несмотря на дрянь социумов, мелочь бытия и нервную дрожь: выживу ли; она продолжается всегда, фиксируя такие нежные и сложные вещи, о которых человек и сам не знает; она жива всегда – даже когда реальность противоречит ей – тупо, упрямо...

Александр Львович БАЛТИН

родился в Москве в 1967 году.

Поэт, прозаик, публицист.

Автор 84 книг и свыше 2000 публикаций в изданиях России,

Украины, Белоруссии, Казахстана, Молдовы, Италии,

Польши, Болгарии, Словакии, Чехии, Германии,

Израиля, Эстонии, Ирана, Канады, США и др.

Его стихи звучат на радиостанциях «Центр», «Говорит Москва»

в исполнении автора и народного артиста СССР Е. Я. Весника.

Переведены на итальянский и польский языки.

В 2013 году вышла книга «Вокруг Александра Балтина»,

посвящённая творчеству писателя.

Член Союза писателей Москвы.

